

Л.Т. Килевая (Казахский национальный педагогический университет имени Абая)

БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН ВОЗВРАТНОСТИ / НЕВОЗВРАТНОСТИ ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Современная парадигма лингвистического знания, основанная на принципе антропоцентризма, провоцирует переосмысление устоявшихся в языкознании лингвистических постулатов. Сомнению, на наш взгляд, подлежит деление на группы славянской языковой ветви, произведенное в рамках традиционной, или формальной, парадигмы, для которой характерно профилирование формы языкового знака, то есть плана выражения. Определенная необоснованность интерпретации языковых фактов в этом контексте обнаруживается в отнесенности к единой восточнославянской ветви русского, белорусского и украинского языков, поскольку данная классификация была произведена главным образом на фонетической основе. Не исключается и роль геополитического фактора, способствующего учету древних исторических и территориальных корней становления восточнославянской народности периода Киевской Руси. Анализ лексических и грамматических характеристик современных русского, белорусского и польского языков с точки зрения языковой ментальности, реликтовости языковых черт, результаты которого представлены в ряде предыдущих наших работ, свидетельствует о большей приверженности белорусского и украинского языков польскому, нежели русскому языку. Это обосновывает целесообразность объединения белорусского, украинского и польского языков в единую группу в пределах славянской ветви. При этом больше общих лексических и грамматических черт отмечается в польской и украинской языковых системах. Белорусский язык, согласно проанализированным на данный период времени материалам, можно интерпретировать как своеобразный мост между обозначенной группой и русским языком. Не случайно, по Н.С. Трубецкому, специфика белорусского феномена заключается в том, что в истории своего развития в контексте общерусской культуры как некоей абстракции конкретно-национальное «белорусское русло тоже всегда существовало, но всегда было слабее» в отличие от малорусского, то есть украинского, русла [1; 369].

Очевидна, однако, гипотетичность выдвигаемого тезиса, равно как и необходимость дальнейших изысканий в области сопоставления славянских языков с учетом комплекса исторических, когнитивных, ментальных, конфессиональных, дискурсных и собственно языковых фактов. В настоящем докладе представлен один из фрагментов исследования на пути решения обозначенной проблемы, а именно соотношение возвратности/невозвратности глагола в белорусском, русском и польском языковом менталитете. Языковой менталитет – способ проявления духовности носителя языка в языковой системе.

Оппозиция возвратности/невозвратности как составляющей семантической категории залоговости сформировалась в результате классификации действия по способу

его осуществления относительно субъекта. Выразителем перехода осуществляемого субъектом действия на самого себя, иными словами возврат действия на его производителя, является постфикс *-ся* – в русском языке, *-ца* – в белорусском языке и компонент *się* – в польском языке. Единым источником обозначенных компонентов на этапе развития праславянского языка, как известно, является форма винительного падежа возвратного местоимения *себя*, представленного древнерусской языковой системой в равной степени в виде варианта энклитического характера *ся*. Произошедшая в дальнейшем развитии славянских языков трансформация местоимения *ся* в аффикс основывается на становлении грамматической категории залога в трех ипостасях: действительный залог, страдательный залог и средне-возвратный залог. Кроме того, часть глаголов с десемантизированным местоимением *ся* оказывается вне категории залога.

Попытки обоснования процесса такого рода десемантизации в древнерусском языке с филогенетической позиции представлены в исследованиях Т.В. Кирдяковой. Опираясь на характерную для древнего русича черту, заключенную в формуле «Познай свой род», ученый отмечает, что «возвратные конструкции, состоящие из глагола и местоимения *ся*, обнаруживают отторженность действия от его производителя, проявляемую в том числе и в компоненте *ся*». В качестве факторов, стимулирующих отторженность действия от его субъекта, называется: а) отсутствие выраженного субъекта в контекстной формуле; б) семантика глагольного действия. При этом семантика, не предполагающая возврат действия на себя как на субъекта либо перенос действия на т.н. «третьего лишнего», приводит к собственной актуализации, последствием чего становится частичная, или неполная, и полная десемантизация компонента *ся*. [2; 10] В современных русском и белорусском языках это вылилось в графическое обозначение в виде слитного написания *ся, ца* с глаголом. В польском языке, как наиболее реликтовом среди славянских языков, остается раздельное написание компонента *się*. В связи с этим значимым оказывается решение следующего вопроса: является ли раздельное написание данью традиции либо оно свидетельствует об ином статусе данного компонента в польском языке? Однако этот вопрос остается за пределами настоящего доклада.

С целью выявления степени идентичности в соотношении возвратных и невозвратных глаголов белорусского языка русскому и польскому языкам был проанализирован ряд глаголов нескольких лексико-семантических разрядов: глаголы речи, ментальные глаголы, глаголы психического действия, физиологического состояния и глаголы физического действия. Исследование производилось избирательным методом на основе словарей белорусского, русского и польского словарей.

Произведенный анализ показывает, что строгой последовательности соответствий возвратных и невозвратных глаголов белорусского языка русскому либо польскому языку в зависимости от семантики глагола не наблюдается. В одних случаях белорусские возвратные глаголы соответствуют польским возвратным глаголам, в других случаях – русским возвратным глаголам. Это подтверждает как неустойчивость «белорусского русла» в общерусской культуре, так и определенную его недостижимость польской культуры. Так, ментальные глаголы и глаголы психического действия в белорусском языке в большей степени являются возвратными и соответствуют польским возвратным глаголам, в противоположность русскому языку, где соответствующие идентичные лексемы оказываются невозвратными глаголами. В частности, белорусским глаголам мысли, сознания типа *даведвацца, даведацца* соответствуют польские возвратные глаголы *rozmyślać się, dowiedzieć się, dowiedywać się* и русские невозвратные глаголы *размышлять, узнать, узнавать*. В семантической группе глаголов речи доминирующий глагол обнаруживает соответствия: бел. *размаўляць*, польск. *rozmawiać* и русск. – *разговаривать*.

Глаголы психического действия по признаку возвратности/ невозвратности по значительному количеству лексем совпадают в белорусском и польском языках в противовес русскому языку, например: бел. *нудзіцца*, польск. *nudzić się*, но русск. *скуцать, тосковать*; бел. *непакоіцца*, польск. *martwić się*, но русск. *переживать*. Соответствия

обнаруживаются в возвратном глаголе белорусского языка *непакоіцца* (ср.: русск. *беспокоиться*, польск. *denerwować się*).

Глаголы физиологического состояния в белорусской и польской языковых системах являются в своем большинстве возвратными, в отличие от соответствующих глагольных лексем русского языка, характеризующихся как невозвратные, например: бел. *чырванець, зачырванець*, польск. *czzerwienić się, zaczerwienić się*, но русск. *краснеть, покраснеть*; бел. *замучыцца*, польск. *zmęczyć się*, но русск. *устать*.

Определенная непоследовательность в соотношении возвратных и невозвратных глаголов наблюдается в группе глаголов физического действия. Здесь отмечается противоположный процесс преобладания возвратных глаголов в русском языке и невозвратных в польском языке. Соответствующие же глагольные лексемы белорусского языка тяготеют к русским возвратным глаголам. В частности, если глаголы движения в белорусском и в русском языках сформировались главным образом как возвратные, то и в польском языке они оказываются невозвратными. Например, русским возвратным глаголам (и их видовым парам) *кататься, отправляться, прогуливаться, останавливаться, остановиться, возвращаться, возвратиться, спускаться, спуститься, подниматься, подняться* соответствуют белорусские возвратные глаголы *катацца, адпраўляцца, прагульвацца, спыняцца, спыніцца, вяртацца, вярнуцца* и польские невозвратные глаголы *jeździć, wyruszać, wyruszyć, spacerować, stawać, stanąć, wracać, wrócić, schodzić, zejść, wczodzić, wejść*. Среди же других оттенков семантики глаголов физического действия трудно отметить какую бы то ни было тенденцию: белорусские глаголы то тяготеют к русским возвратным глаголам типа *змагацца – бороться* в противоположность польским невозвратным *walczyć*, то к польским невозвратным типа *siadać – сидеть* в противоположность русским возвратным глаголам типа *сидеться*.

Как свидетельствуют приведенные данные, оппозиция по признаку возвратность/невозвратность глагола проявляется прежде всего на уровне русской и польской языковых систем. Белорусский глагол, независимо от семантики, в целом тяготеет к возвратности. Применительно к ментальным глаголам и глаголам психического действия он идентифицируется с возвратными глаголами польского языка, а применительно к глаголам физического действия – с группой возвратных глаголов русского языка. Трудно однозначно определить причину таких предпочтений. Думается, искать ее следует в исходных, с участием данной семантической группы глаголов, синтаксических конструкциях, в выраженности в них субъекта действия в виде компонента возвратности либо отсутствия такой выраженности. Можно полагать, что субъективность белорусских конструкций, проявляемая к возвратности, основывается не на приверженности польской либо русской языковой системе, а на необходимости выразить в языке «самость» народа, долгое время находившегося, в силу известных исторических обстоятельств, под идеологическим и культурным влиянием то польского, то русского народа.

Таким образом, с позиции возвратности/невозвратности белорусский язык невозможно однозначно приобщить к определенной языковой группе славянских языков. Предварительность вывода предполагает необходимость как можно полного охвата глаголов обозначенных языковых систем.

Литература

1. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – 800 с.
2. Кирдякова, Т.В. Филогенетические истоки средне-возвратного залога в древнерусском языке: Автореф. ... канд. филол. наук / Т.В. Кирдякова – Алматы, 2007. – 24 с.